

ПАВЕЛ ЖЕЛЕЗНОВ

ГОРЖУСЬ, ЧТО В СОРОК ПЕРВОМ БЫЛ СОЛДАТОМ

Воевать против Гитлера я начал в первый, тысячи раз описанный, день Отечественной войны. Вечером этого дня меня вызвали в Радиокomitee. Там в комнате с затемненными впервые окнами, в обстановке уже чем-то приближающейся к фронтовой, написал стихи «Назад», которые утром 23 июня прочел у микрофона. Эти стихи были напечатаны в газете «Труд» и вошли в первый военный сборник Гослитиздата. Потом 10 дней подряд выступал на вокзалах, на призывных пунктах, в райвоенкоматах; читал тут же написанные миниатюры такого рода:

ПРОВОДЫ

На войну уезжал
комсомолец Ваня,
привезти обещал
Гитлера в кармане.
Говорила в ответ
старая маманя:
— Не носи ты, мой свет,
всяку дрянь в кармане!

КОНЬ И РАК

До зубов вооруженный,
ноги раскоряча,
Гитлер на Нанолеона
пялит глазки рачьи.
Очень хочется бандиту
угодить в герои.
Говорят: «Где конь с копытом,
Там и рак с клешнею...»
Но напрасны все порывы
этой низкой твари.
Конь побит был в хвост и в гриву.
Рака... в миске сварим!

В райвоенкомате, куда я обратился 23 июня, мне — белобилетнику, снятому в середине 30-х годов по болезни (язва желудка) с военного учета, — велели подождать, сказали: «Пока хватает здоровых». Но через 10 дней удалось стать добровольцем-красноармейцем 8 Краснопресненской дивизии народного ополчения. Вскоре шагал на фронт с винтовкой на плече, с полной красноармейской выкладкой. Вместе с другими писателями-ополченцами — Ефимом Зозулей, Иваном Молчановым, Сергеем Островым — выпускал полковую стенгазету и боевые листки.

П. И. ЖЕЛЕЗНОВ

Фотография. Западный фронт, февраль
1942 г.

Собрание П. И. Железнова, Москва

Осенью 41-го года был послан Политуправлением Западного фронта в газету 10 армии «За Советскую Родину» (редактор И. Лещинер), для прохождения стажа литсотрудника в звании красноармейца. Писал стихи, статьи, организовывал материал в частях на передовой. Одновременно нес красноармейскую службу: по ночам стоял с винтовкой на посту, в карауле. 8 ноября, стоя на посту, придумал бывалого старика Деда-Всеведа, беседующего с нашими бойцами. Беседу написал в форме раешника. В редакции раешник сначала встретили «в штыки». Говорили, что это устаревший жанр, что нигде раешников не печатают, а мы вдруг напечатать, и т. п. В конце концов я все же уговорил редактора. «Первая беседа Деда-Всеведа» появилась в газете, понравилась читателям и начальству. Вторую беседу я уже писал *по заказу* редакции, а остальные пять *по приказу* политотдела. В последней беседе я отправил деда в партизаны, так как стало известно, что меня вызывают в Главполитуправление в Москву. В январе 1942 г. я, все еще в звании красноармейца, был назначен должностью писателя газеты 61 армии «Боевой призыв» (редактор И. Пекерман). Здесь вел ту же работу, что и на прежнем месте, только вместо стояния на посту с винтовкой, возвращаясь с передовой, дежурил по редакции, проверял полосы, отвечал за опечатки.

Вместо «Деда-Всеведа» по просьбе редактора в феврале 1942 г. придумал молодого бойца «Андрея Снарядкина»:

Танкин, Пулькин и Гранаткин,
принимайте в свой отряд.
Я — боец Андрей Снарядкин,
вам, ребята, друг и брат!..
Буду бить фашистов метко
и гранатой, и штыком,
и веселою заметкой,
и частушкой, и стихом...

В газете «За Советскую Родину» я работал с художником Телингатером, в «Боевом призыве» моим «напарником» стал Федор Глебов. Почти ежедневно мы давали в номер сатирический материал под рубрикой «Короткой очередью».

В апреле 42-го получил медаль «За отвагу», потом офицерское звание. В июне стал кандидатом в члены КПСС. Вступая в партию, рассказал в автобиографии о том, как в 20-х годах был беспризорным и правонарушителем, как советская общественность и Максим Горький, обративший внимание на мои первые стихи, помогли мне получить образование, стать литератором.

Летом 42-го познакомился в районе Белева с партизанами из знаменитых брянских лесов. Удивил меня, похожий на придуманного мною в 41-м Деда-Всеведа, невысокий, коренастый старик — Дядя Ваня. Когда зашла речь о расстреле пленных карателей, он стал горячо возражать. Насладившись моим удивлением, пояснил: «Пули в бою пригодятся. А этих я прикладом по башкам постукаю, всю дурь выбью, вместе с мозгами...»! Вечером того же дня Дядя Ваня отказался выпить за то, что будем пить за победу в Берлине. «Берлин, — сказал старик, поглаживая бороду, — надо сжечь дотла и место распахать, где он стоял!» Подсев ко мне, Дядя Ваня полюбопытствовал — хорошо ли я знаю грамоту? Услышав, что я обучался в Московском университете, он вынул из глубин пиджака пакет. В пакете хранились, сколотые английской булавкой, вырезки из газет со статьями Ильи Эренбурга. По просьбе старого партизана я прочел их вслух. Пока я читал, он шевелил губами и если, случайно, я пропускал какое-нибудь слово, тут же поправлял меня. Видимо, знал эти статьи, как верующий Библию. Между прочим он и был, как сам признался, «отчасти верующий». Не статьи Эренбурга его озлобили, наоборот — озлобление сделало их дорогими его сердцу... Оказалось, любимый внук старика, комсомолец, с другими ребятами снял с виселицы труп комсомольского секретаря их села. Ребята хотели похоронить по-человечески своего вожака, но попались в руки оккупантам... «И знаешь, что сотворили эти изверги? — говорил старик, задыхаясь от горя и гнева. — Как басурманы в старину, посадили парнишек, и в том числе моего внука, на кол!.. С той поры я фашистов за людей не считаю и уничтожаю без пощады. Ежели будешь когда-нибудь в газете читать про народного мстителя, то знай — это я и есть тот самый мститель!»

Комиссар отряда сказал, что Дядю Ваню приходится сдерживать. Он хотел выпотрашивать убитых в бою гитлеровцев, набивать им брюхо землей и подбрасывать на шоссе, подписав по-немецки: «Шел за русской землей — получил!»

На прощанье Дядя Ваня подарил мне значок с профилем человека, который в то время олицетворял для нас партию... Больше я старика не видел и ничего о нем не слышал.

Один друг-фронтовик шутя предположил: возможно Дядя Ваня сейчас предколхоза и обменивается опытом с колхозниками из ГДР? Все может быть...

9 июня 42-го года дал в газете очередную «короткую очередь» за подписью «Андрей Сварядкин». То была миниатюра — «Незадачливые футболисты»:

Настало лето. Всюду сухо.
Отняв у ребятшек мяч,
фашисты для подъема духа
устроили футбольный матч.
Но — был наш наблюдатель рядом.
Он поглядел, сказал: «Пора!»
и метко пущенным снарядом
мгновенно прервана игра...

Печально подвели бандиты
 игры итог без лишних слов,—
 то был не счет голов забитых,
 а счет... оторванных голов!

Эта миниатюра была зарисовкой с натуры... Через несколько дней у меня, после контузии, началось обострение довоенной болезни. Положили в армейский госпиталь. Оттуда — в люльку, подвешенной под крылом самолета, — перебросили в Тулу. В палате эвакогоспиталя в Туле от молодого политрука, поправляющегося после ранения в живот, услышал о героической смерти моего друга, поэта Владимира Аврущенко. Оказалось, Володя, которого я помнил веселым, шустрым парнем, возглавил осенью 41-го, во время отступления, группу прикрытия. Раненный в ногу, он попал в лапы к гитлеровцам и за категорический отказ сотрудничать с ними (враги от кого-то узнали, что он поэт) был привязан к двум танкеткам и разорван пополам... Комиссар госпиталя, участник гражданской войны, рассказал мне однажды, каким хорошим товарищем и мужественным воином был его однополчанин по той войне — поэт Алексей Сурков...

Выйдя из госпиталя, работал с осени 42-го по январь 43-го во фронтовой газете Западного фронта «Красноармейская правда» в должности литсотрудника. В январе 43-го был назначен на должность писателя в газету 20 армии «За честь Родины» (редактор М. Семенов). Здесь делал сатирический отдел «Веселый залп» с художником Юрием Цишевским. Под этой рубрикой шли сатиры на международную тему. Например, «К текущему моменту»:

Адольф, устроившись получше
 у Муссолини на горбу,
 сдавив ногами шею «дуче»,
 глядит в подзорную трубу.
 Он шепчет: «О позор, о горе!»
 Его глаза тоской полны.
 Он видит — Роммель в синем море
 отмыть старается штаны.
 Он видит — среди плененных армий
 плетется грустно генерал:
 то «доблестный» его фон Арним
 пример с фон Паулюса взял...
 Впервые в хвост и в нос удары
 фашистам испытать пришлось.
 Еще таких ударов пара
 и лопнет их гвляя ось!

Май 1943

Иногда в этой газете писал сатиры и на внутренние темы, о нерадивых старшинах, поварах и т. п. Например: «Повар красив, да работать ленив»:

В сторонке от кухни сидит Колоскова,
 как будто принцесса на троне,
 и званья она своего поварского
 работой простой не уронит.
 Она при раздаче покажет свой профиль,
 взгляни на нее и почувствуй,
 пристало ль ей чистить какой-то картофель,
 возиться с какой-то капустой?

Февраль 1944

Сатира в этой газете пользовалась особым вниманием и почетом. Недаром бывший редактор «За честь Родины» в 50-е годы стал редактором

«Крокодила»... В июле 1943 г. я был принят в члены КПСС. В конце 43-го — начале 44-го опубликовал в газете, с благословения члена Военного Совета генерал-майора Лобачева, цикл стихов на уставные темы. Стихи печатались по одному из номера в номер, без подписи, под рубрикой «Почувствия рядовому». Позже, осенью 45-го, когда я лежал в Главном военном госпитале, стихи эти появились за моей подписью в газете Московского Военного округа «Красный воин». На фронте, как я потом узнал, они были перепечатаны дивизионными газетами и выходили отдельными сборниками... Летом 1944 г. газета «За честь Родины» закрылась в связи с созданием на базе нашей армии нового фронта — 3 Прибалтийского. Я был направлен в газету вошедшей в этот фронт 1 ударной армии. Редактором там оказался писатель Юрий Корольков. Прослужил под его начальством, к сожалению, недолго. В августе был тяжело ранен при выполнении задания на дальних подступах к Риге. День Победы встречал в госпитале. Вышел только в июле 1946 г. с двумя костылями...

И в эвакогоспиталях и в Главном военном, где я лежал больше года, всегда держал контакт с политработниками. Помогал выпускать стенгазеты, выступал по радиоузелу. После того, как послал стихи в «Красный воин», меня посетили в Лефортове сотрудники газеты — Константин Поздняев и Анатолий Кудрейко. До сих пор вспоминаю об этом с признательностью...

Необходимо сказать хоть несколько слов о военном хирурге, профессоре Николае Алексеевиче Богоразе. Сам потерявший в молодости обе ноги, он спас во время Отечественной войны сотни рук и ног. Инвалид 1 группы, «разменявший» в ту пору восьмой десяток, он подавал пример бодрости и трудоспособности молодым и здоровым. Его любили и уважали не только за великолепное мастерство, но и за веселость и добродушие. Восстанавливая изувеченную на фронте ногу, которую другие врачи и даже профессора рекомендовали отрезать, Богораз приговаривал: «Лучше плохая, да своя... Так же, как и жена!» К 72-летию Богораз (25 мая 1946 г.) я посвятил ему стихи:

... Вы — добрый мыс надежды человечей.
Известны вы во всех краях Земли,
и верится, что нет таких увечий,
которых вы б исправить не смогли.
Бывалые солдаты, не мальчишки,
с уверенностью говорят о вас:
«Пришьет, коль надо, голову под мышки
волшебник-врач, профессор Богораз!»

Вся ваша жизнь — служение науке,
пример могучей воли торжества.
Бесценны ваши золотые руки
и золотая ваша голова.
Мы все мечтаем: залечить раненья
и в будущем еще десятки раз
вас поздравлять с днем вашего рожденья,
волшебник-врач, профессор Богораз!

Благодаря Богоразу, я, демобилизовавшись по инвалидности, вернулся в строй активно действующих литераторов с разницей, отмеченной в одной из моих послевоенных поэм («Милиционер Иванов»): «Вырвав из сердца прошлого корни, соединять привык со словом „бывший“ — не беспризорник, а офицер-фронтовик!»

Война вспоминается, как напряженная работа в тяжелых условиях, когда счастьем казалось поспать не то чтоб раздевшись, а хотя бы сняв сапоги. Знаю — и в тылу товарищам трудно приходилось, и питались мы на фронте лучше. Но, увы, у нас был «дополнительный паек» — пули и осколки, и редкий его не попробовал...

Кроме «Коротких очередей» и «Веселых залпов», мной были написаны сотни статей, очерков, первополосных стихов. О сатире здесь говорю потому, что ни до войны, ни после ею не занимался. Лирика из «фронтового дневника», часть «первополосных» стихов и даже часть «уставных» вошли в мои сборники, а сатира осталась на страницах армейских газет. А ведь за годы войны я сделал с фронтовыми художниками множество своих «Окон РОСТА». (Некоторые из них, как я потом узнал, выставлялись в «Окнах ТАСС» в Москве: «Что оставил от фашистов меткий залп артиллеристов», «Вы правы, фрау»; перепечатывались в «Крокодиле».)

Война вспоминается внешне такой, как рисовал ее в одном из фельетонов за подписью «Снарядкин»: «Раньше давали войны описание так мастера пера — сабель бряцанье, да пуль жужжанье, да изредка взрыв ядра. Нынче совсем другая картина, звуков другой набор: посвист фугаса, шипенье мины, танки — лавина с гор! — рев самолета, трель пулемета, рвущая уши музыка пушек. Ночью над всем этим блещут ракеты, пули трассируют разного цвета...»

На этом заканчиваю рассказ о моей работе на фронте, по форме близкий к рапорту, без пейзажных завитушек и лирических украшений. В завершение хочу дать стихи «Горжусь», написанные в мае 1959 г.:

Горжусь, что с точки зрения мещанства
себе во вред я поступаю часто,
что не ловлю удачи на лету,
бываю добр и зол не по расчету,
стараюсь душу вкладывать в работу
и — к чёрту посылаю клевету.

Горжусь, что был солдатом в сорок первом,
что День Победы встретил офицером,
что все мои военные трофеи —
два черствых костыля да португеза...

И этого никто не отберет,
Хоть про меня с три короба наврет!

Март 1964